

В тихом переулке, прорезав густую ночную тьму, раздался чистый и ясный свист.

Насвистывая, Лян Сычжэ был очень сосредоточен. Эта старая мелодия, извлечённая из глубин его памяти, была словно покрыта пылью давно минувших дней. Родители так часто ссорились, что он почти забыл те редкие моменты семейной идиллии.

Мелодия была не очень длинной. Закончив насвистывать, он какое-то время молчал, глядя в пустоту, а затем повернулся к Цао Е. Сегодня Цао Е был на удивление тихим, особенно после того, как прослушал мелодию. Он не болтал с ним, как обычно, с оживлённым выражением лица. Лян Сычжэ посмотрел на Цао Е. Тот, погружённый в свои мысли, пристально смотрел на него с таким же выражением, с каким раньше смотрел на облако.

— Что такое? — Лян Сычжэ улыбнулся. — Почему ты на меня так смотришь?

Цао Е моргнул, словно очнувшись ото сна. Его кадык дёрнулся под тонкой кожей, и он отвёл взгляд, как будто смущаясь:

— Ничего. Красивая мелодия. Что это?

В том мимолётном взгляде, до того как он отвёл глаза, было что-то ещё, смешанное с лунным светом или ночной тьмой. В тот момент Цао Е выглядел необычайно живо. Лян Сычжэ почувствовал, что в этой живости было что-то особенное. Он не мог толком объяснить, но она отличалась от обычной юношеской энергичности Цао Е.

Когда Цао Е отвёл взгляд, Лян Сычжэ видел, как дрожат его ресницы. Он почувствовал, как его сердце на мгновение замерло, а затем забилось чаще, прежде чем вернуться к нормальному ритму. Он сглотнул и, опустив глаза, сказал:

— Не знаю. Старая мелодия для скрипки. Если будет время, можешь попробовать сыграть её.

— Тогда ты научишь меня? — повернувшись к нему, тихо спросил Цао Е.

— Конечно. — Лян Сычжэ взглянул на него и слегка улыбнулся.

Атмосфера была странной. Раньше между ними такого не было. Но эта странность не вызывала отторжения, а скорее наоборот, хотелось продлить этот момент.

Цао Е, скрестив руки на груди, наклонился вперёд, оперся на ноги и несколько секунд смотрел на лицо Лян Сычжэ.

— На что ты смотришь? — Лян Сычжэ не выдержал и потрепал его по голове.

На этот раз Цао Е не взорвался и не уклонился, а лишь моргнул в темноте и, отвернувшись, тихо пробормотал:

— Мне кажется, ты тоже...

Недосказанная фраза прозвучала как-то смущённо. Лян Сычжэ посмотрел на него и спросил:

— Что?

— Ничего... — ответил Цао Е. Он хотел сказать: «Мне кажется, ты тоже не похож на девушку...», но слова застряли у него в горле. Он всегда говорил всё, что приходило ему в голову. Чжэн Инь постоянно твердил, что у него язык без костей [1]. Но сегодня всё было по-другому. Он никогда прежде не испытывал такого чувства, когда хочешь что-то сказать, но не можешь произнести ни слова.

[1] 没门儿 (méiyǒu gè bǎiménr) в буквальном переводе означает «нет задвижки» или «нет двери». В переносном смысле это указывает на человека, который не может остановиться в своих высказываниях, говорит всё открыто, не задумываясь о последствиях, и не может удержать свои мысли при себе. Это иногда применяется к людям, которые не умеют хранить секреты или слишком откровенны.

Но в тот момент Лян Сычжэ выглядел совсем иначе: задумчивый, грустный и нежный. Это заставило сердце Цао Е неожиданно дрогнуть. Он почувствовал что-то странное, но не мог понять, что именно.

Вернувшись в комнату, Лян Сычжэ принял душ и, выходя из ванной, выключил свет. Когда он проходил между кроватями, Цао Е, лежа на боку, посмотрел на него сквозь темноту и сказал:

— Ты слышишь?

Лян Сычжэ остановился и посмотрел на него сверху вниз:

— Что слышу?

— Снова идёт дождь, — сонно произнёс Цао Е.

Лян Сычжэ услышал тихий шум дождя. Он был не таким сильным, как днём, но звук капель, стучащих по стеклу, было слышно отчётливо. В ночной тишине это звучало безмятежно и очень красиво.

Лян Сычжэ присел на корточки у его кровати и, в темноте глядя на Цао Е, тихо сказал:

— Да, то облако доплыло до нас.

— У тебя волосы отросли с тех пор, как ты приехал, — сказал Цао Е, глядя на него. Они видели только очертания друг друга и слабое мерцание света в глазах.

— Угу, — ответил Лян Сычжэ.

— Ты потом подстрижешься?

— Наверное. — Когда он вернётся Яньчэн в школе вряд ли разрешат мальчику носить длинные волосы.

— Я ещё не видел тебя с короткой стрижкой.

— Увидишь ещё... наверное.

— Ты не забудешь забрать сяо-сяо Бай?

— Конечно, нет...

— Работа актёра очень напряжённая. Когда будешь на съёмках, не забудь найти кого-нибудь, кто будет её кормить.

— Угу. — Лян Сычжэ погладил Цао Е по волосам.

— Ты опять трогаешь мои волосы! — возмутился Цао Е, но на этот раз не взорвался, а быстро сдался. — Ладно, так уж и быть, сделаю тебе поблажку. Ничего страшного, если буду на два сантиметра короче.

Лян Сычжэ рассмеялся:

— А если бы ты не сделал мне поблажку?

— Если бы это был Линь Янь, я бы точно с ним подрался. Но мы с тобой друзья, так что я тебе уступлю.

— Тогда я ещё пару раз потрогаю, — с улыбкой сказал Лян Сычжэ и ещё дважды взъерошил ему волосы.

— Эй, не наглей... Я ведь сдерживаюсь. — В комнате больше никого не было, но, возможно, из-

за ночной тишины, оба говорили очень тихо.

Спустя мгновение Цао Е тихо спросил:

— Ты будешь нервничать на прослушивании?

— Наверное.

— Не нервничай. Представь, что за камерой стою я.

— Хорошо, я буду представлять тебя.

— Да, правильно... Послезавтра дядя Инь повезёт нас на прослушивание. А что мы будем делать завтра?

— Читать сценарий, смотреть фильмы, гулять, кормить сяо Бай...

— А если дождя не будет, то залезем на крышу, чтобы подышать свежим воздухом, — продолжил Цао Е.

— Хорошо, — улыбнулся Лян Сычжэ.

— Тогда... спокойной ночи, Лян Сычжэ.

— Спокойной ночи.

Пожелав спокойной ночи, Лян Сычжэ лёг в постель. Его сердце разрывалось от тоски. Он никогда раньше не испытывал такого. Когда ушли родители, его захлестнула волна отчаяния и беспомощности, как цунами, не оставив ни единого шанса на сопротивление.

Но сегодня всё было иначе. Он словно плыл с Цао Е на маленькой лодке по бурному морю. Пока они были вместе, не имело значения, куда их несёт течение. Но теперь, когда их пути разошлись, все его будущие бури и невзгоды [2] больше не будут иметь к этому юноше никакого отношения.

[2] 风雨飘摇 (fēngyǔ piāoyáo) образное выражение, описывающее нестабильность, трудности и невзгоды. Буквально переводится как «ветер и дождь качают/колеблют». Можно понимать как «бури жизни», «жизненные перипетии», «тяжёлые времена».

Лодка осталась прежней, море — таким же непредсказуемым, но куда ему одному теперь плыть на этой лодке?

Расставание — это так больно. Он понял это впервые в жизни.

Лян Сычжэ никогда раньше не колебался. Он всегда был решительным и непреклонным, ни разу не менял принятого решения. Но в тот момент, когда он закрыл глаза, он начал уговаривать себя: «Может быть... остаться ещё на день? Ведь ещё не настало время, когда нужно обязательно уходить? Уйду завтра. Всегда найдётся способ. В крайнем случае, оглушу Цао Е и уйду».

Эта мысль быстро завладела им, вытеснив остальные.

«Я обязательно уеду завтра», — сказал себе Лян Сычжэ.

Это успокоило его, и печаль немного отступила. Он повернулся на бок лицом к Цао Е, посмотрел на него в темноте, закрыл глаза и уснул.

Хотя Лян Сычжэ и уснул с подобными мыслями, проснулся он очень рано. Открыв глаза, он слегка нахмурился, но увидев соседнюю кровать, сразу же пришёл в себя. Кровать была пуста. Цао Е на ней не было. Лян Сычжэ тут же сел.

— Цао Е! — позвал он. Его голос был хриплым после сна.

Никто не ответил. Он встал с кровати, кое-как надел тапочки и заглянул в ванную. Там тоже никого не было.

Он запаниковал, сам не понимая почему. Распахнув дверь, он выбежал из комнаты и, спотыкаясь, спустился по лестнице на первый этаж. Сквозь плотные шторы пробивался утренний свет, и в полумраке всё казалось нереальным, как в туманном сне.

Дежурный, спавший на раскладушке, проснулся от звука его шагов и, сонно потирая глаза, спросил:

— Уходишь?

— Где Цао Е? — Лян Сычжэ, собравшись с духом, постарался говорить спокойно. — Он не спускался?

— Ты про того парня, который был с тобой?.. — зевая, ответил дежурный. — Он ушёл. Давно уже. Среди ночи куда-то ушёл...

— В котором часу?

— Не обратил внимания. Ещё до рассвета. Часа в четыре или в пять... Что-то случилось?

Лян Сычжэ молчал, стоя на месте, как громом поражённый. Четыре-пять часов утра — это как раз то время, когда Цао Е обычно спал крепче всего. Но он ушёл. Ведь уйти должен был он, Лян Сычжэ...

— Ты выходишь или нет? — снова зевнул дежурный. — Если нет, я пойду спать дальше.

— Идите, — тихо сказал Лян Сычжэ. — Спасибо.

Он вернулся в комнату, взял телефон и позвонил Цао Е. Набрал номер, он услышал: «Вызываемый вами абонент недоступен».

«Да уж, — подумал Лян Сычжэ. — Если бы я ушёл, то тоже выключил бы телефон, чтобы Цао Е не смог со мной связаться».

Лян Сычжэ бросил телефон на кровать и оглядел кровать Цао Е, а затем тумбочку, стоящую рядом. Он подумал, что Цао Е должен был что-то оставить. В комнате было слишком темно, чтобы что-либо увидеть. Он подошёл к кровати и резко распахнул занавески. Яркий утренний свет хлынул в комнату, заставив его прищуриться.

Вернувшись к кровати, он увидел сценарий, лежащий на его подушке. Он помнил, что вчера вечером оставлял его на тумбочке. Его сердце дрогнуло. Он взял сценарий и посмотрел на обложку. Там была строчка, написанная от руки. Почерк был неровным, некрасивым, но было видно, что писали старательно: «Доброе утро, Лян Сычжэ! Обязательно получи награду за лучшую мужскую роль! Увидимся на церемонии награждения!»

Оторвав взгляд от сценария, Лян Сычжэ посмотрел на залитую солнцем комнату и ему вдруг почудилось, будто эти три месяца были всего лишь сном — прекрасным, захватывающим сном. Иначе почему реальность казалась такой прекрасной, что не хотелось просыпаться? Может быть, это действительно был всего лишь сон? Но чемодан, стоящий у шкафа, молчаливо напоминал ему, что эти три месяца, проведённые с Цао Е, были реальностью.

Внезапно Лян Сычжэ осенило. Он открыл чемодан Цао Е, но не нашёл того, что искал. Затем он открыл шкаф и поискал там, но тоже безрезультатно. Он лихорадочно обыскал всю комнату, прежде чем убедился, что Цао Е почти ничего с собой не взял. Он забрал только две камеры и записи с живыми, настоящими воспоминаниями, которые принадлежали только им двоим.

Он не знал, сколько времени так просидел. Уборщица, увидев открытую дверь, заглянула в комнату и спросила:

— Можно сейчас убраться?

Он встал и, очнувшись, ответил:

— А... Да, можно.

Он стоял неподвижно, наблюдая, как уборщица меняет постельное бельё на его кровати. В его голове был полный хаос, мысли беспорядочно метались. Уборщица быстро привела в порядок его кровать и подошла к кровати Цао Е. Она уже собиралась снять пододеяльник, когда Лян Сычжэ вдруг сказал:

— Эту кровать не нужно убирать.

— Не убирать? — Уборщица посмотрела на красивого, но немного потерянного юношу. — Не менять простыни и пододеяльник?

— Да, не нужно, — ответил Лян Сычжэ.

Много лет спустя, когда в СМИ просочилась информация о том, что перед съёмками в своём дебютном фильме «Тринадцать дней» актёр Лян Сычжэ соперничал с сыном Цао Сююаня за роль сяо Маня, журналисты придумали множество сложных и драматичных историй про закулисные интриги. Они ещё долгие годы вызывали живой интерес у публики, ведь людям нравятся истории о жёсткой конкуренции.

Но Лян Сычжэ прекрасно помнил то безмятежное утро, когда он, немного растерянный, держа в руках сценарий «Тринадцати дней», сидел в оцепенении на своей кровати и долго смотрел на смятую постель Цао Е.

Придя в себя, он понял, что Цао Е ушёл. В конце концов этот юноша без лишних слов уступил ему роль сяо Маня.

Он подошёл к кровати Цао Е и лёг, положив голову на его подушку и накрывшись его одеялом. Он почувствовал едва уловимый запах геля для душа Цао Е, сладковатый аромат кокосового молока, и подумал, что, возможно, когда он откроет глаза, Цао Е уже вернётся.

Вместе со своей собакой он стоял на пороге, освещённый ярким полуденным солнцем, и звал его по имени. Высокий юноша и его почти в половину человеческого роста собака выглядели внушительно.

Это было одно из самых ярких воспоминаний его юности.

Автору есть, что сказать: Конец главы! В следующей главе герои станут взрослыми. Потом ещё вернёмся к юношеским годам, хотя, наверное, «прошлое» — более точное определение. И ритм повествования станет другим, не таким спокойным, как в предыдущих главах. Спасибо всем за терпение и поддержку!

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12811/1130265>